***

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке солёные грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы
И до них половик, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растёт в огороде капуста,
Поглядеть — ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной — обелиски.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал, и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Мы сегодня с тобой неуклюжи,
Под ногами сухая листва,
На пути то ухабы, то лужи,
До калитки по пояс трава.

И, пробравшись, калитку открою,
И поглажу сухие стволы…
Окна старые вровень с землёю
И обшитые тёсом углы.

С ощущеньем какой-то утраты
Я коснусь потемневшей резьбы,
Снеговик из бумаги и ваты
Встретит нас за порогом избы.

Над кроватью, такой старомодной,
В рамке простенькой чей-то портрет.
Три ступеньки к лежанке холодной
И пустой, нараспашку, буфет.

Люди добрые, дом умирает!
Мы, продрогшие, ищем ночлег.
...В тишине, где так рано светает,
Пять старух доживают свой век.

***

Всё где-то там, в какой-то стороне,
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звёзды в маленьком окне
Хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
Когда душа не просится на паперть,
И нет обид, и некого прощать,
И под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном,
Мой тихий дом как будто ближе к бору,
И шлёпаю, укутавшись платком,
По длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
И запахов, и света за порогом,
Душа чиста — всё вымели ветра,
И я осталась с Родиной и Богом.

СМЕРТЬ СТАРУШКИ

Часы, минуты — как их мало,
И думы, думы о былом…
Всё снимки прошлые искала
В комоде стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала,
Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день… Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

ШЕСТЬ СОТОК

Как будто отпустили беды,
В полях и небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
Друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
Опять то ливни, то пурга.
В шкафу — солдатские награды,
В чужой земле — его нога.

И в доме не было излишка,
Но радость всё-таки была:
Шесть соток — грядки и домишко,
И всё дела, дела, дела…

Хозяйка рядом, помогала,
Потом Господь её прибрал.
Земля цвела, земля дышала,
А он мотыжил и копал.

В рубахе белой, без пилотки
Ходил к колодцу в суховей.
Оборонял он эти сотки —
Кусочек Родины своей.

***

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить —

Всё о том, о чём хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели,
А сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
Ни души на берегу,
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города.

Вспоминать бы всё, что мило,
Вспоминать под шум дождя,
Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
Но об этом промолчим.

В СТАРОМ ДОМЕ

Старый дом и новый дом.
В первом — тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки,
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь расшатанная тяжко,
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья,
Комнатка его — как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ?
Перемолвиться бы словом.
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка, как живёт.

***

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый — калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

ДЕДУШКА

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда
И зажелтели окошки.

Думы — что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут — дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

***

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенье глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В пятиэтажном улье комнатушка.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатушке кроткая старушка
Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидала дверь при тусклом свете
И, ковырнув разболтанный замок,
Узнала всё: комод и стулья эти,
Упрятанные кольцами дорог,
И ватное родное одеяло,
Как яблочко сушёное, лицо.
«Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо…»

Всё слушала меня, всё удивлялась,
И тут смекнула радостно: «Погодь,
Что ж — насовсем? Ужель навоевалась? —
И тихо так: — Храни нас всех Господь…
Война — оно занятие пустое,
А сердце всё же просит тишины…»
И обронила самое простое:
«Нельзя ли как-то миром, без войны?»

И сумерки надвинулись тревожно,
И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно,
Когда сердца наполнены добром.

Какая-то неведомая сила
Нам раздаёт смиренье и покой,
Не то добра кому-то не хватило,
Не то другим насыпано с лихвой.

***

Сидела в несвежей рубашке,
Глядела на рюмку с тоской.
Что деньги? Да просто бумажки,
Чтоб как-то поправить настрой.

Шумели, квартиру делили,
Наскакивал коршуном брат…
В хибарку её отселили
И сколько-то дали деньжат.

Солёным грибком закусила
Она под кошачью возню.
Что деньги? Да тёмная сила,
Чтоб как-то рассорить родню.

И было и страшно, и тяжко,
И думалось в этой глуши:
Неужто такая бумажка
Прилеплена вместо души?

***

Вот он, домик у тихой реки,
Где под окнами бледные розы,
Где в траве копошатся жуки
И до ночи летают стрекозы.

Утра свежи, и синь высока,
И рукою подать до погоста.
Дверь не заперта, нету замка —
Что скрывать? Всё по-божески, просто.

И дела здесь, и помыслы в лад,
Знают жизнь, равнодушны к излишку,
О погоде, хлебах говорят
И не прячут подальше сберкнижку.

Может, путь весь уже позади,
Домочадцам бесхитростным глянусь,
И рукой остановят — сиди!
И послушаюсь я, и останусь.

ПОЭТЫ

Поём о звёздах и туманах луга,
Как поездами манит нас вокзал.
Кто слышит нас? А слышим ли друг друга,
Летящие на лучший пьедестал?

Шумим, шумим… Отпугиваем думу.
Остались мысли, ссыпаны в мошну.
Мы всё шумим и так привыкли к шуму,
Что разучились слушать тишину.

Луна в окошке, ситцевая шторка.
Из года в год то снег, то комарьё.
Мы здесь затем, чтоб всматриваться зорко
И молвить слово — светлое, своё.

Всё это нам — терзания людские,
И потому поменьше дан ломоть,
И не смолчать, когда молчат другие.
Перо и лист доверил нам Господь.

***

Бесславная, обычная, проснусь,
Зажмурюсь я от утреннего света.
Я почестей и титулов боюсь —
За ними не видать уже поэта.

Когда как все земные — значит, жив.
Я сыплю одиночество по ложке,
Автографы однажды невзлюбив.
Всё легче расписаться на платёжке.

Всё для души — грибами полон лес,
Тропа к нему, иду себе непрытко,
И каждый день — как будто до небес
Достать рукой ещё одна попытка.

***

Всё поля вокруг да огороды,
Парится в заварнике чабрец.
Кольцами стянули сердце годы.
Сколько же осталось тех колец?

Голова под шапкой всё белее,
Снова снег и лужи у крыльца.
Вот ещё кольцо, и тяжелее
Под лопаткой левой от кольца.

Для чего-то копятся печали,
И земным печалям нет конца,
И смотрю в заоблачные дали,
И боюсь последнего кольца.

Каждый год, увы, всё разудалей,
Всё больнее выстраданный стих.
Наверху не может быть печалей.
А смогу ли, грешная, без них?

***

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно — один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» — расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться, стоит!»

Так ответит — легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? Ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.